

Анкета «Менестреля»

1. Кто является верховным судьёй в художественной литературе, кто в конечном счёте определяет, какое явление в литературе станет классикой, а какое – нет: сами писатели, критики и литературоведы, журналисты, издатели и спонсоры, читательская аудитория или кто-то другой?

2. Кто лучше разбирается в литературе, чьё мнение о ней, по-вашему, чаще всего является наиболее объективным: мнение писателей, критиков, читателей?

3. Для кого пишете лично вы: для сотоварищей по цеху, для исследователей литературы, для широкой аудитории читателей, для кого-то другого?

Роман Сенчин:

1. Настоящих судей нет, часто многое зависит от удачи – о книге или публикации в журнале вдруг заговорят, и повесть, роман становятся заметными, читаемыми. Есть у нас читаемые книжные обозреватели. Раньше это были Лев Данилкин, Лиза Новикова, Майя Кучерская, сейчас Галина Юзефович. Но судьями их назвать сложно. По-моему, многое зависит именно от везения, от цепи случайностей. Много произведений, достойных внимания критиков, читателей, проходят, к сожалению, совершенно незамеченными.

2. И тех, и других, и третьих. По-настоящему разбираться в литературе невозможно. Это не математика, не физика с химией. В литературе много субъективного. Одним произведение очень не нравится, другие в восторге. И объяснить, почему, – невозможно. Поэтому я как читатель, да и как литератор, – сторонник той критики, какую писал Дмитрий Писарев. Он отталкивался от произведения для разговора о жизни, о мироустройстве и тому подобном. Но бывают очень умные и глубокие именно рецензии. Правда, это редкость.

3. Тешу себя мыслью, что пишу для широкой аудитории.

Борис Кутенков:

1. «Верховных судей» вообще нет. Думаю, с очень большой долей условности можно говорить о консенсусе в отношении литературного произведения, создаваемого рядом профессионалов, но с каждым годом это понятие кажется всё более условным (в силу крайней разобщённости литературного процесса), а профессионализм тех, кто давно

в литературе, в моих глазах нередко не выдерживает проверки на прочность. Вообще я разочарован в современном (некоммерческом) литпроцессе как институциональном явлении и всё больше верю отдельным читателям, о чём скажу ниже. Тем не менее какие-то камертоны, конечно, есть: скажем, когда разговор идёт о поэзии, в большей степени слушаю Андрея Таврова, Михаила Эпштейна и Юрия Казарина, с вниманием читаю разделы критики журналов «Новый мир», «Prosodia», публикации сайтов «Прочтение», «Горький», к остальным присматриваюсь так или иначе и выбираю имена и явления. Следить за всем этим ужасно увлекательно, но слепо верить кому-то – простите, нет, слишком часто обжигался. Что касается коммерческого книгоиздания, тут вообще другие законы: всё определяется именами и критериями бизнеса, и рассуждать об этом, честно говоря, неинтересно. Здесь, думаю, на протяжении многих лет незыблемым остаётся авторитет Галины Юзефович, рекомендации которой собирают большое количество лайков и прочтений и действительно влияют на успех книги.

2. Профессиональных читателей. Причём это не обязательно те, кто «легитимирован» сообществом в качестве таковых (таковые сплошь и рядом не оправдывают ожидания), а начитанные люди, обладающие слухом и лишённые снобизма. С последними сталкиваюсь довольно регулярно, получая письма в соцсетях, был бы рад ещё чаще. Именно их и чувствую своей постоянной аудиторией. Впрочем, встретить такого человека – как раз дар и исключение на фоне непонимания «профессионалов», каждый из которых загружен чем-то своим и зашорен стереотипами сознания. Авторитетность же – сомнительное понятие, если оно не прове-

рено личным мнением: у человека может быть сотня публикаций, но никакое их количество не застрахует от того, что человек способен нести пафосную чушь. Это, кстати, стало поводом для определённой эволюции моего литературно-критического проекта «Полёт разборов» – в сторону приглашения не «звёзд», а разбирающихся в поэзии читателей вне зависимости от их статуса. Они могут никогда не проявиться ни в одном журнале – например, в силу стеснительности. Тем важнее с моей стороны как куратора стимулировать их усилия.

3. Тут всё зависит от жанра. Было бы пошлостью сказать «для вечности», но в каком-то смысле это так. Критика в большей степени направлена на целевую аудиторию издания; это, кстати, мешает – постоянно представляешь цензора, стоящего за твоим плечом. Я уже не говорю о журналистике. Стихи менее привязаны к текущему моменту, это даёт определённую свободу. Но при их написании постоянно представляешь читателя – конкретного, не всегда даже доброжелательного, иногда язвительного. «Фейсбучного». Его мнение как-то стимулирует, подзадоривает, часто потом не совпадает с тем, что есть, но в любом случае располагает к некоторой планке. Ещё люблю диалог с предшественниками – иногда раскрываю талантливое стихотворение перед написанием собственного, заимствую его ритм и интонацию, отлично зная: копии всё равно не будет, перевоплотится в своё до неузнаваемости, а межтекстовый импульс окажется продуктивным. Вспоминаются слова Игоря Волгина, которые он говорил нам на семинарах, что нужно соревноваться не с соседями по двору, а с Пушкиным и Мандельштамом.

Андрей Тимофеев:

1. Существует литературный процесс и собственно литература. Литературный процесс – это котёл, в котором варится разнородное варево: победители премий, заметные публикации в толстых журналах, вышедшие большими тиражами книги, идейные и «корпоративные» споры между писателями и критиками и т.д. А литература – это то, что кристаллизовалось в итоге в этом котле, что стало явлением и что обладает настоящей художественной ценностью.

Самым точным судьёй в литературе является, конечно же, время. Но не само по

себе, а как результат деятельности всё тех же критиков, литературоведов, писателей – в общем, всех, кто заинтересован в кристаллизации лучшего и кто прилагает какие-то усилия для этого.

2. Наиболее объективным мне кажется мнение критиков. Хотя критик критику рознь. Для меня «высшим пилотажем» всегда была статья Аполлона Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина». В ней дан обзорный взгляд на первую половину XIX века и названы четыре писателя: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов и Гоголь. И один критик – Белинский. Идеально попадание: нет ни одного лишнего имени, и нельзя сказать, что кто-то пропущен (тут могут быть варианты, но в любом случае взгляд Григорьева очень даже соответствует нашему сегодняшнему представлению о том времени). Если бы кто-то мог вот так вот обозреть последние тридцать лет развития отечественной литературы, назвать конкретные фигуры первого ряда и объяснить, почему это так, нам всем, остальным критикам можно было бы больше ничего не делать.

С интересом прислушиваюсь также к мнениям писателей, которых ценю. Потому что у них есть вкус и понимание литературы, а значит, их оценки, как минимум, заслуживают внимания.

Читатели обычно смотрят на литературу, исходя из собственного жизненного опыта. Им важно, чтобы прочитанное задело их лично. Это субъективный взгляд, направленный на свои эмоции, а не на понимание и познание литературы. Определить вершины – не их задача. Они «живут», а не исследуют. Хотя по большому счёту для их «жизни» литература и пишется.

3. Мне кажется, в литературе, как и в мире познания, есть объективная истина (то есть, скажем, Пушкин объективно высочайшая нота русской литературы). Эту истину нельзя доказать математически, её можно обрести только через субъективный поиск. Но, тем не менее, объективность всё равно существует. И для меня основная задача – её найти и попытаться выразить в словах.

Не знаю точно, для кого пишется моя критика, наверно, для воображаемого «идеального» читателя. А на деле для того, кто захотел бы пройти со мной путь поиска и обретения.

Вячеслав Куприянов:

1. Это должна определять школа. Но кто вразумит школу, вот вопрос. Для кого-то вопрос, нужна ли вообще литература в школе. Моё имя было упомянуто в учебнике для 11 класса. Авторы учебника поведали мне, что чиновники из Министерства образования были против, поскольку они меня «не видели и не слышали по телевизору». Вот и думайте, кто определяет и на основе чего. В условиях развитых систем массовой коммуникации особенно трудно освободиться от «частотных» (массовых) критериев. Здесь важную роль должна играть академическая филология, но если её уровень диктуется интересами массовой аудитории, то возникает замкнутый круг. Я писал, что хорошо бы дать в школе понятие о верлибре или о «свободном стихе», чтобы не удивлялись хотя бы стихам без рифмы. Некоторые филологи по образованию были глубоко возмущены самим подобным пожеланием.

2. Поскольку писатели в наше время и являются основными читателями, то они и обязаны лучше прочих разбираться в литературе, но их мнение и наиболее субъективно. Но не стоит бояться субъективности, ибо литература и вообще творчество субъективны.

3. Я пишу на языке и для языка. То есть на русском языке и для русского языка. Если кто-то переводит на свои языки, то и это – во славу русского языка. А как ко мне относится аудитория, например, издательская, то цитирую, убрав название издательства: «Как Вы понимаете, "Икс" - крупное коммерческое предприятие, то есть редакция ориентируется скорее на литературу, которая заинтересует массового читателя (то, что в последнее время этот «массовый читатель» составляет узкий круг, увы, не меняет дела). Ваши же тексты никак за литературу такого рода не выдать – они элитарны, рассчитаны на хорошо подготовленную публику, которая не испугается того, что увидит». То есть – я не просто пишу, но ещё и пугаю.

Лидия Григорьева:

1. Судьёй могут быть или все вместе, или сам автор, по типу: «Ты сам свой высший суд!» Ну, если он безусловно талантлив. А в основном всё решает время. Главное, чтобы тебя не просто читали, а перечитывали.

2. Любое мнение часто бывает ошибочным. Я ориентируюсь на друзей-писателей.

И неизвестных мне ранее читателей, которые вдруг появляются в моей жизни.

3. Вопрос вопросов, ибо ориентир один: написать нечто, потому что не можешь не написать. И, право слово, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Этому было много подтверждений. Самых неожиданных признаний в любви к моим стихам от самых разных людей со всех концов сначала нашей необъятной страны, а потом уже и разных стран. Думаю, со многими поэтами происходили эти удивительные и непредвиденные встречи со своим Читателем. Получается, что для него мы и пишем.

Андрей Дмитриев:

1. Начинающим авторам часто кажется, что их тексты автоматом получают статус литературы, будь они опубликованы в каком-нибудь авторитетном «толстом» журнале, например, в одном из представленных в «Журнальном зале»: преодоление жёсткого входного контроля и соседство под одной обложкой со знаковыми именами уже представляются им формой признания. Это мотивирует рассылать рукописи по редакциям в надежде, что однажды их оценят и напечатают, а уж тогда... Но в итоге многие ни в первый, ни во второй, ни даже в десятый раз, появляясь среди авторов «Журнального зала», в ответ ничего не слышат, кроме тишины. Тогда они приходят к очевидному выводу: чтобы стать литературой, произведениям всё-таки мало быть опубликованными в серьёзном издании, ведь стишок, выложенный на личной странице в соцсети, по сути имеет не меньше шансов на массовое прочтение, так как у активных пользователей число сетевых друзей соизмеримо с современными журнальными тиражами.

Литература как коммуникативная среда – это не столько непрерывный поток текстов, сколько постоянный процесс осмысления речевого опыта (да и любого другого, впрочем), частью которого способно стать лишь то, что вызывает какую-то живую реакцию. А кто занимается осмыслением написанного? Ну конечно, читатель, – как рядовой, то бишь массовый, так и профессиональный – критик, филолог, литературовед, редактор, журналист, поэт, писатель и т.д. Только продолжившись на устах у читателя, произведение и становится литературным фактом. Дальше уже вопрос стратегии самого автора, чья реакция ему наиболее важна. Народная любовь щедра и осязаема, но за

частую поверхность и требует лишь оправданных ожиданий. Внимание профессионалов дарит сладкую иллюзию вхождения в их узкий круг, но нередко провоцирует лишь бесконечные и ревностные попытки угадать корпоративный формат.

Наверное, без ответной реакции можно долго писать чисто по инерции, хотя бы удовлетворяя внутреннюю потребность в творчестве, а вот без веры в собственный дар, без доверия собственному вкусу это вообще, по-моему, теряет всякий смысл. Много из того, что сейчас считается классикой, вошло в большую литературу зачастую уже после смерти авторов, потому что арбитрами текущего процесса было незамечено. Поэтому я скептически смотрю на то, что кому-то по силам точно определить содержание будущего «золотого» фонда. Актуальность меняется быстро, и её определяют новые тренды, возникающие в процессе осмысления, о котором сказано выше.

2. Однажды я понял для себя, что все, кто пытается дать определение поэзии, правы, ведь она и то, и другое, и третье, и пятое-десятое – любой возможный вариант выхода слов за границы их номинальных значений. Нам предложен широчайший выбор, абсолютно адресный подход. Разве не чудо? Однако возникает другой вопрос: кто же в таком случае будет более объективен в оценках современной поэзии? Думаю, тот глубокий толкователь, чья личная правда не является призмой, через которую он смотрит на бескрайний и многообразный мир.

3. Если писать для кого-то конкретно, то волей-неволей в потайном кармашке вдохновения появится техническое задание, если же совсем ни для кого – исчезает ощущение высказывания. С другой стороны, а кто пишет, например, для меня? Думаю, никто. Да и зачем мне чьи-то заискивания, я сам привык выбирать, что мне интересно, меня влекут открытия. Впрочем, когда сам пишу, тоже.

Константин Дмитриенко:

1. У меня нет адекватного ответа на этот вопрос... Сказать, что никто не определяет, точно нельзя, но и верховного судьи точно нет и в принципе быть не может... По большому счёту мне кажется, что во многом играет «случай». Особенно это касается «попадания в классики»... Хотя, конечно, пример Джойса, Алоизиуса Бертрана, Рембо, Чарльза Буковски, Пастернака, Мандель-

штама (и Бродского, конечно) показывает, что во многом определяет и сам автор, который так или иначе «выстраивает» себя, свои отношения с миром... Аналогия грешит неточностью, но вот аналогия: автор – умелый артиллерист, который или мастерством, или верхним чутьём отправляет снаряд в цель... Но даже и в этом случае есть достаточное количество факторов, которые способны «отклонить снаряд»...

2. Я убеждён, что лучше всего разбирается в литературе автор. Не авторы вообще, а в каждом конкретном случае автор того или иного «произведения». Беспощадный, циничный в отношении самого себя автор, глядящий и видящий, что именно и как именно он сам делает.

3. Для широкой аудитории, конечно. Но это с одной стороны, а с другой стороны – предлог «для» не выражает целеполагания. Для меня «писательство» – это метод общения с миром, понимание своего положения в этом самом мире... (как бы выпендренно и пафосно это не звучало). Т.е., я существую и пишу для «широкого читателя», тем самым вступая с ним, с читателем, в диалог. Понятно, что я могу оказаться не очень хорошим участником диалога, но необходимость этого диалога (хотя бы для сохранения психического здоровья) просто необходима.

Игорь Федоровский:

1. Измельчали критики! Но ведь и читатели измельчали. Сейчас только на время вся и надежда – запомнятся ли авторы, которые «в тренде» сейчас, останутся ли в памяти потомков? Ведь кто сейчас вспомнит Леонова, Шитова и прочих авторов детективов серии «Чёрная кошка», будораживших некогда умы жителей 90-х? Пожалуй, только Маринина осталась в тренде, об остальных мы благополучно забыли – и к счастью.

Верховный судья? Пожалуй, серьёзный автор, пишущий не в угоду моменту, должен сам себе быть верховным судьёй, понимать, что именно он пишет (или же не понимать, что в литературе часто одно и то же), но не относиться безразлично, бездушно к своей работе. Только тогда у произведения есть надежда остаться на книжной полке, когда её герой будет искренним, сможет за ручку гулять со всеми будущими поколениями.

2. Критиков, но с некоторыми оговорками, и сегодняшняя малограмотность критиков – здесь даже не главное. Главное – от-

сутствие их интереса к изучаемому производству, формальный подход, разбор без души. Критик не должен быть только снобом, он обязан перенять в себя лучшие черты писателя и читателя, уметь быть, так скажем, в три дэ формате, почувствовать себя и автором текста, и рядовым читателем.

3. Пишу для всех заинтересовавшихся, для «двух в одном». Для меня мой читатель также и лучший критик, а объединившись вместе, они такую широкую аудиторию создадут, что только держись!

Надя Делаланд:

1. Время.

2. Все по-своему субъективны, но в конечном итоге мнение читателей, потому что мы все читатели, когда читаем.

3. Я пишу, потому что так устроена, а дальше – кому пригодилось, для того и написано.

Дана Курская:

1. Лично для меня Верховным Судьёй, определяющим, кто настоящий Автор, является Время. Только оно способно расставить на свои места всё и всех и установить лучших, потому что все проблемы, обстоятельства и непонимания отпадут по прошествии времени, как извёстка со старых стен. Умрут

завистники. Умрут приспешники. Останется только Текст и его Автор – перед Временем, как перед Богом.

2. Лучше всего в литературе разбираются читатели. Именно они своим растущим количеством и неослабевающим интересом увеличивают ступени пьедестала какого-либо произведения.

3. Я пишу, потому что делаю это уже тридцать лет из своих тридцати четырёх. Стихи были со мной всю мою сознательную жизнь и стали просто частью моей физиологии.

Александр Балтин:

1. Думаю, сумма мнений писателей, критиков, читателей. Плюс время. Хотя в наше, искажённое, имя можно сделать, увы, любому. Надолго ли – сложно сказать.

2. Лучше всего в литературе разбираются писатели.

3. Пишу, в общем, для себя и для предполагаемого alter ego.

Андрей Чемоданов:

1. Не знаю.

2. Не знаю.

3. Не знаю. Честно.